

НИНА АЛЕКСЕЕВНА АКИМКИНА (1925–2014) И ЕЕ ДНЕВНИКИ¹

Подготовка текста и комментарии Р.С. Айриян

Аннотация. Впервые публикуются дневники доктора исторических наук, профессора Ростовского государственного университета Нины Алексеевны Акимкиной. Тетради дневниковых записей были обнаружены в личном архиве Н.А. Акимкиной после ее смерти в 2014 г. Всего было обнаружено пять общих тетрадей с записями. Текст в пятой тетради прерывается на незаконченном предложении. Возможно, что автор дневниковых записей сам вырвал страницы. Дневники дают представление о жизни рядового советского студента, аспиранта и преподавателя. Хронологически дневники охватывают период с 1945 по 1954 г., географически же записи относятся к «омскому», «московскому» и «ростовскому» периодам жизни Нины Алексеевны. В частично публикуемой тетради № 5 представлена жизнь аспирантки исторического факультета МГПИ им. В.И. Ленина: ее поездка в колхоз и Ясную Поляну, смерть И.В. Сталина и попытка попасть в Колонный зал, защита диссертации и страх распределения на Дальний Восток, назначение в Ростов-на-Дону и новые друзья. Первые впечатления от города Ростов-на-Дону и новой работы, оценку уровня студентов и профессиональных качеств коллег также можно узнать из дневников Н.А. Акимкиной.

Ключевые слова: Нина Алексеевна Акимкина, профессор, историк, Ростовский государственный университет, аспирантура, МГПИ им. В.И. Ленина, диссертация.

Айриян Радмила Сергеевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры зарубежной истории и международных отношений Института истории и международных отношений Южного федерального университета, 344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, д. 105/42, rsayriyan@sfedu.ru.

¹ Окончание. Начало см.: «Новое прошлое/The New Past». 2017. № 3. С. 194–222.

THE DIARIES OF N.A. AKIMKINA (1935–2014)

R.S. Ayriyan

Abstract. The diaries of doctor of historical sciences, professor of the Rostov State University, Nina Alekseevna Akimkina, are published for the first time. Diaries were found in the personal archives of N.A. Akimkina after her death in 2014. We found five notebooks with records. The text in the fifth notebook is interrupted on an unfinished sentence. It is possible that the author of the diary entries herself tore out the pages. The diaries give information about the ordinary Soviet undergraduate student, a graduate student and a university lecturer life. Chronologically the diaries cover the period from 1945 to 1954; geographically the same records refer to the Omsk, Moscow and Rostov periods of N.A. Akimkina's life. In the notebook No. 5 the life of a post-graduate student at the Faculty of History of the Moscow State Pedagogical Institute is presented: a trip to kolkhoz and Yasnaya Polyana, the death of Stalin and an attempt to get to the Pillar Hall, the defense of the thesis and fear of being directed to the Russian Far East, the appointment to Rostov-on-Don and new friends. We can be acknowledged from N.A. Akimkina's diaries with her first impressions of the city of Rostov-on-Don and new job, an assessment of the student level and professional qualities of colleagues.

Keywords: Nina Alekseevna Akimkina, professor, historian, Rostov State University, postgraduate study, Moscow State Pedagogical University, dissertation.

// (Л. 40) 18/IX – 53 г. Первый день после защиты я ничего не делала, писала письма домой и приходила в себя после стольких волнений. 17/IX я пошла в министерство просвещения, там меня буквально огорошили известием, что мест нет никаких и не предвидится. Этого я уж никак не ожидала. Я думала, что мне предложат поехать в места «не столь отдаленные», а оказывается и таковых нет. Меня записали в какую-то книгу учета и предложили ждать. Уже на прощанье вспомнили, что как будто в Ростове есть вакансия на кафедре, но ничего определенного не могли сказать. Сегодня утром у нас было заседание кафедры. Я, конечно, сообщила о своем положении, но мне все могли только сочувствовать, один шеф принял более деятельное участие в устройстве моей судьбы, обещав посмотреть кое-где. Вообще же мое положение очень скверное: учебный год давно начался, прописка у меня в общежитии кончилась, скоро я получу последнюю стипендию, а дальше что? Сегодня же я ходила в министерство культуры, там со мной вообще разговаривали свысока и даже заявили, что нечего было в аспирантуру ходить, раз мест нет. Я от злости и обиды была прямо сама не своя. Ну точно повторяется та же история, какая была после окончания мной института.

Вечером я говорила по телефону с Ростовом. Директор¹ записал мою фамилию и адрес, спросил, член ли я партии, читала ли когда историю стран Востока и обещал в понедельник мне ответить. То, что он прямо мне не отказал, немножко приободрило меня, но если и эта надежда рухнет, то уж тогда я не знаю, что делать. Устала сегодня за день жутко, т. к. помимо всего прочего бегала по магазинам, готовясь к предстоящей вечеринке.

// (Л. 40 об.) 19/IX – 53 г. Сегодня с утра у нас, как обычно, была невероятная суматоха, вытаскивали кровати, убрали в комнате, готовили закуски. К вечеру я и ног под собой не чувствовала. Но все равно провозились мы порядочно и, когда пришли первые гости, мы были еще не одеты и спешно приводили себя в порядок. Набралось народу порядочно, я позвала Юрия, Бориса, Марка, Аскольда и Игоря (один парень с нашей кафедры), из девчат были Люся, Милка, Саша – обитатели нашей комнаты. Игоря я пригласила нарочно, хотя мы были знакомы просто по кафедре и особенно близко никогда не сталкивались. Он меня заинтересовал тем, что был несколько похож на Альберта, аристократ по духу и манерам. Мне захотелось его посмотреть в компании. Сначала все шло нормально, пили, ели, произносили тосты, но очень скоро началась та же карусель, что была у нас под Новый год. Юрий открыл кампанию брудершафтов (его хлебом не корми, только дай поцеловаться) и началось опять что-то невероятное. С Игоря слетел весь его аристократизм (что я, впрочем, и ожидала), он пел частушки, плясал и целовался вовсю сначала со мной, а потом с Ольгой. Оле он весьма понравился и дело доходило до анекдотов: целовались на окошке, в коридоре, а потом стали готовить чай, залезли на шкаф за конфетами, да и застряли там надолго. Я целовалась и с ним, и с Юрием, и даже с Марком, последний, впрочем, держался очень осторожно и не увлекался чересчур. Борька ушел очень рано, чем меня страшно обидел. Я знаю, что он боится ревности Любы, т. к. Наталья Григ[орьевна] очень следит за ним и может сообщить, что он где-то пьянствовал.

Юрий же в этот вечер совсем одурел и // (Л. 41) превратился в чудовище. Даже трудно поверить, что у него под спокойной и даже несколько сонной маской лица скрывается такой темперамент. Ему очень понравилась Саша, и он не отпускал ее от себя весь вечер, хотя они до сих пор виделись у нас раза 2 и почти не были знакомы. Потом он отправился ее провожать, и я уверена, что он ее всю изломал и искушал, т.к. не сдержан до последней степени.

В общем вечеринка для одних была чересчур веселой, а для других весьма скучной, надо будет в следующий раз как-то по-другому организовать. Впрочем, на вечеринке у Оли не будет моих ребят, за исключением Юрия, так что будет по-иному. Я же себе удивляюсь весьма, что так разошлась за последнее время. Впрочем, понятно, уходят последние вольные денечки, ведь учиться мне больше не придется, не придется жить в веселой аспирантско-студенческой компании, где можно развешаться вовсю, не рискуя быть раскритикованной. Я навсегда превращаюсь в Нину Алексеевну, тощую, скучную, ученую, старую деву.

22/IX – 53 г. В моем положении ровно ничего не изменилось. Ростов мне не ответил, и я уже начинаю впадать в отчаяние. Настроение у меня с утра было просто жуткое, а мы как раз сегодня собирались отпраздновать защиту Оли. Весь день опять в комнате была суматоха, к вечеру устали зверски. Собирались гости плохо, с большим опозданием и не все сразу. Юрий на вечер совсем не пришел. Накануне я видела его в институте, и он начал что-то неразборчиво лепетать, что он занят и прийти не сможет. Я увидела, что он врет и потребовала, чтобы он сказал прямо, в чем дело. Тогда он заявил, что просто не хочет идти, т.к. тогда он приходил лишь ко мне и т. д. Говорил он недомолвками, но я его прекрасно поняла. Он смущен проведенной ночью и // (Л. 41, об.) не хочет встречаться с Сашей. С ней он проходил тогда до 4х часов утра, и ее мы с Олей вечером застали дома всю в синяках. Юрке я об этом сказала, и он вовсю смутился и начал врать, что был пьян и ничего не помнит. На вечер он так и не пришел, я сказала, что его в райком вызвали. Зато пришел, как ни странно, Борис и разошелся вовсю, пел и плясал. Сашка была страшно огорчена отсутствием Юрия и пила с Борькой напропалую, напоив его самого до жути. В 10 ч. он опять собрался уходить, как золушка, но я позвонила Нат[алье] Григ[орьевне], заявив, что я праздную свою защиту и он у меня. Борис был рад и остался. Перепились все до последней степени, кроме меня, я выпила одну рюмочку, т. к. совсем не было настроения пить. Ольга напилась так, что с ней стало плохо, она ушла в уборную и просидела там часа 2, мы поочередно таскали ей воду, лимон и т. д.

Остальные в это время орали и плясали. Мне пришлось прямо разрываться на части, я и провожала уходящих гостей (не все досидели до конца), готовила чай, бегала к Ольге, а потом вдруг исчез Борис, и мы с Сашкой обегали все соседние скверы, но он как сквозь землю провалился. В комнате был дикий Содом² и грязь, и я ушла ночевать к Саше, так и не найдя Бориса, что меня очень тревожило.

Уже утром, вернувшись домой, я узнала, что он всю ночь провел на улице, т. к. общежитие в час закрыли. Вот это называется «погулял»! Аскольд с одной из

девушек прогулял до 5 ч. утра с легкой руки Юрия. В общем защиты наши были отпразднованы славно, ничего не скажешь. Только всего было излишек: в первый вечер – поцелуев, а во второй – вина. Перестарались.

// (Л. 42) 26/IX – 53 г. «Дела мои преплохи так, что грустно», – вот все, что я могу сказать о себе. Надежда на Ростов ухнула, т. к. прошла уже неделя, а оттуда ни приветов, ни ответов. В институте я уже чувствую себя чужой, со мной покончено, и я больше никому не нужна. Днем я хожу по городу, а вечерами просто схожу с ума. Вчера чуть было не плакала, тем более, что по радио передавали «Чайку»³, которая весьма гармонизировала с моим настроением.

Я постоянно сейчас вспоминаю те дни, когда я в Омске кончила пединститут и также бродила без работы. Разница лишь в том, что тогда мои нервы были растрепаны до последней степени, и я редела по малейшему поводу. Сейчас до этого дело еще не дошло, но кто знает... И опять как тогда! Я далеко от своих. В то лето мама и Милка уезжали в Ленинград, а сейчас я уехала от них. Как печально, что неприятности повторяются в моей жизни со скучной закономерностью! Самое обидное то, что я даже как следует не успела порадоваться своей победе, как начались неприятности. Ведь не прошло и недели со дня знаменательного события, как я уже находилась в самом мрачном настроении.

Я так люблю Москву, а сейчас только и мечтаю о том, чтобы ехать из нее. Мне страшно надоело безделье, я хочу работать, а не умирать со скуки по вечерам. Ольга через 3 дня уезжает в Свердловск, без нее я совсем затоскую, хоть мы продолжаем сиюминутно ссориться. Мне так завидно смотреть, как она собирается в дорогу, укладывает вещи, готовит курс лекций.

Что мне делать, куда, к кому мне идти? Ведь я совсем никого не знаю в Москве. А после 1го октября меня наверняка выгонят из общежития, а тогда что?

// (Л. 42, об.) 30/IX – 53 г. Сегодня утром уехала Оля. Вчера к ней приехала ее дочка, очень славная девочка, вечерок мы провели за дружеским столом, выпили вина и объелись фруктами.

Вчера же я была у нашего директора. Я встретила его случайно в нашем деканате и пожаловалась ему на свою судьбу. Он, как обычно, немедленно развил кипучую деятельность, начал звонить в министерство и отправил меня туда к какому-то высокому начальству. Я приехала в министерство и там мне начали подыскивать такую работу в такие места, что я была в ужасе: в Курган замдиректором, в [нрзб], в Елец и т. д. Отказываться нельзя, ведь я сама прошу работу, а соглашаться глупо: залезешь в какую-нибудь дыру и застрянешь там. К счастью, они сами ничего определенного не знали и пока ограничились рассылкой телеграмм в Курган и Елец.

Сегодня утром мы с Борисом проводили Олю, и я отправилась в кино на «Ярость». Домой я явилась в 2 часа и там меня ждало неожиданное известие: утром в

общезитие приезжал директор и искал меня, а потом искали меня секретарь и лаборанты, и даже Милка приезжала. Я, не помня себя, помчалась в институт, директор сказал, что объявилась вакансия в Свердловске, и погнал меня в министерство. Там я узнала, что и Ростов, наконец, тоже ответил и что меня ждут там. Я, конечно, выбрала Ростов. Когда я оформляла путевку, меня окликнула какая-то женщина, это оказалась моя новая завкафедрой из Ростова. Я ей весьма обрадовалась, т. к. у ней я могла узнать многое и о своей будущей работе, и о самом городе. Женщина она, кажется, простая и славная. Впрочем, будущее покажет. // (Л. 43)

Из министерства я поехала в институт на партийное собрание. Все мои друзья уже знали о моем назначении и наперебой меня поздравляли. Я сидела как в чаду, речи слушала плохо и болтала со своими. Теперь мне предстоит невероятная беготня, т. к. выехать надо сверхсрочно дня в 3, за это время надо сделать уйму дел, да еще распрощаться со всеми.

2/X – 53 г. Замучилась я за эти дни невероятно. Днем бегаю оформляю всякие бумажки и между делом бегаю по магазинам, а вечером стираю и укладываюсь. Вчера уже купила билет в Ростов, причем совершенно свободно. Сегодня последний раз была на заседании кафедры, но досидела лишь до половины, т. к. надо было сниматься с партучета.

Со всеми очень тепло я распрощалась, каждый давал адрес и просил писать, шеф еще просил зайти к нему, но едва ли я успею.

Вечером я пошла к Сашке, чтобы взять у нее свою диссертацию, по дороге встретила Текутьеву, и она затащила меня к себе. Зашла я на полчаса, а просидела весь вечер. Она достала вина, и мы выпили и за прошедшее, и за будущее.

3/X – 53 г. А сегодня я устроила прощальный вечер со своими «амигами»⁴, Юрием и Борисом. Я не хотела больше никого звать, т. к. надоели мне шумные, бестолковые вечеринки, захотелось просто дружеской тихой беседы. Вечер вышел просто чудесный. Сидели мы у Бориса, вспоминали старые безвозвратно ушедшие годы, понемножку откровенничали, танцевали (они со мной поочередно). Даже скрытый Борис в этот вечер был склонен немножко раскрыть свою душу. Юрий же всегда открыт, а когда он пьян, то и вовсе. Он рассказал, что в тот вечер, когда он Сашку провожал, он ночевал ночь у нее, но поклялся, что ничего не было, и он спал на кушетке.

// (Л. 43 об.) Сашка же этот факт от меня скрыла. Она всегда притворяется такой скромницей, а ухитрилась ночью пустить к себе пьяного парня, в хамстве которого она уже успела убедиться! Здорово! Юрий и Борис здорово напились в этот вечер (коньяк мешали с шампанским) и вскоре начали уже чисто мужской разговор, не стесняясь моего присутствия. Борис еще деликатничал, а Юрий в выражениях не стеснялся. В 12 часов я потащила Юрия домой, хотя Борис хотел оставить нас ночевать. Но т. к. на другой день я уезжала, то мы ушли. Борис проводил нас до метро и вернулся, вот тогда-то и начались мои мучения.

Юрий был пьян в дым, а пьяный он буен, хам и вообще с ним нет никакого сладу. Он всю дорогу приставал к прохожим, орал песни на всю улицу и все норовил хоть с кем-нибудь подраться. Я и ругала его самыми последними словами, и била, и клялась бросить его на улице, если он не будет вести себя прилично, но ничего не помогало. Еле-еле втащила я его в метро и в вагоне сидела, как на иголках, ожидая, что он выкинет какой-нибудь номер. Приехали домой, так он еще потащил меня к Сашке, хотя был уже час ночи. Увещевания мои не помогали, он повел меня какими-то дикими задворками, и вот в спальном доме мы начали барабанить в дверь. К счастью, Саша быстро вышла. Он зашел, снял пальто, потом пиджак и уселся на постель с таким видом, что я думала, что он начнет разуваться. Сашка была так рада его видеть, что готова была задержать нас на всю ночь. Но я была беспощадна и через 15 мин. поволокла его домой. Устала я невероятно, как от тяжелой физической работы. Вот идол! Впрочем, по отношению ко мне он был // (Л. 44) безупречен, всю дорогу объяснялся в уважении и грозил всех моих обидчиков стереть с лица земли. Но мне от этого было не легче.

4/X – 53 г. Сегодня был мой день отъезда. Провожать меня пришли Аскольд, Борис, Юрий, Марк, Люся, Саша и Мила. Ребята погрузили все мои чемоданы, помогли мне сдать багаж, вообще все устроили. На вокзале мы еще выпили здорово и шумели во всю. Пассажиры с удивлением поглядывали на нашу компанию.

Я сердечно расцеловалась со всеми и, когда уже сидела у окна в вагоне, вдруг загрустила невероятно. Ведь я прощалась не только с Москвой, но и с друзьями молодости. Ведь теперь у меня уже не будет подруг и друзей, будут просто знакомые по работе⁵. Нигде нельзя так сдружиться как во время учебы, а годы учебы ушли навсегда. Бог знает, встречусь ли я когда-нибудь с кем-нибудь из них. Да и переписка наша протянется год, от силы два, а как разъедутся все по разным городам, так и переписке конец. Кончилось самое счастливое время моей жизни, все было прекрасно в эти прошедшие два года: и Москва с ее прекрасными театрами, музеями и библиотеками, и веселая жизнь в общежитии, и дружеские мои отношения со всеми аспирантами. Ведь в Омске у меня были и друзья, были и злобные враги, а здесь этого не было. И с шефом⁶, и с деканом⁷, и с директором⁸ у меня были прекрасные отношения. А как относились ко мне аспиранты видно из того, что они дружно явились на мою защиту, горячо поздравляли меня, переживали мою временную безработицу и шумно радовались по поводу моего назначения.

Все кончилось, медленно поплыл мимо вокзал, последний раз я поглядела на шумную толпу моих провожатых. Прощайте, друзья, увидимся ли снова, кто знает.

// (Л. 44 об.) 6/X – 53 г. Итак, я уже на новом месте. Путь от Москвы занял всего сутки и чем ближе к югу, тем больше было яблок, помидор, дынь, чему я только радовалась. Приехала я в Ростов поздно вечером, сдала вещи в камеру хранения и переночевала в комнате для пассажиров прямо на вокзале. Утром я с трепетом сердечным отправилась в путь. В городе стоял сильнейший туман, я с трудом различала здания. Мне понравилось обилие зелени и асфальт повсюду. Институт помещается в красивом

пятиэтажном здании почти рядом с вокзалом. Я прошла в кабинет директора, принял он меня весьма любезно, дал свою машину, и я свои вещи перевезла с вокзала в общежитие, где мне предоставили комнату. Комната большая (18–20 м²), но невероятно грязная и ободранная, на полу мусор, в тумбочках склад пустых бутылок, банок и аптечных пузырьков (до меня тут жил алкоголик), некоторое количество мебели.

Меня сразу обступили всякие бытовые вопросы: где стирать (и в чем?), на чем готовить, и т. д. Розетки для плитки нет, плитки и утюга нет, радио нет, вообще ничего нет. Мыться можно на 2-м этаже, а живу я на 3-м, коридоры узкие, лестницы грязные, горячей воды взять негде, даже мусорных ящиков нет. По сравнению с моим новым местом жительства наша Усачевка показалась мне раем. Но пока все пришлось оставить и бежать в институт.

Там я познакомилась с расписанием, причем меня чуть было на 2-ой день не хотели включить в работу, но я воспротивилась. Потом мой новый декан (интересный молодой человек, весьма любезный) проводил по всяким кабинетам // (Л. 45) и познакомил с множеством всяких лиц, которых я тут же забывала. Вечером я написала письмо домой и в весьма грустном настроении легла спать в пустой и ободранной комнате, закусив в сухомятку, т.к. мне не на чем было даже сварить чай.

12/X – 53 г. Я уже целую неделю в Ростове, причем за все это время не было ни одной минуты свободной. В комнате я немного обжилась, побелили ее, достала я плитку, сделала розетку, добрые люди дали мне таз, в общем жить можно. Плохо только то, что комната на Северной стороне и мерзну я в ней зверски, особенно по ночам, т. к. у меня нет даже матраца.

Лекции начала читать уже 8 октября, а 10/X приехала моя завкафедрой Анна Ивановна⁹ и познакомила меня с нагрузкой. Оказывается, здесь у всех нагрузки просто дикие – 820–840 часов, причем 200 часов мне придется читать на заочном, причем бесплатно.

Это значит, прощай отдых, весь июль придется мучиться. Всю новую и новейшую читает сама Анна Ивановна, у ней и нагрузка всего 640 часов, и на заочном ничего нет. Хитрая баба! На кафедре, как я уже поняла, отношения обостренные, в прошлом году была какая-то свара, двое – Витков¹⁰ и Люксембург – заработали выговоры по партлинии, но, кажется, подавали на апелляцию. Я пока держусь политики «невмешательства».

Сегодня распределяли студентов IV курса по спецсеминарам и, конечно, ко мне как к человеку незнакомому записалось всего 14 человек, а это значит, что я не выполняю всех полагающихся мне часов и буду дорабатывать на заочном. В общем, год будет очень тяжелым.

С городом понемножку знакомлюсь, // (Л. 45, об.) он мне очень нравится, главным образом, из-за обилия зелени, некоторые улицы представляют сплошные аллеи, очень много скверов и парков.

Снабжение продуктовое и промтоварное по сравнению с Омском прекрасное, но еще так живо помню московское изобилие, что все время вздыхаю. По Москве скучаю невероятно, все не верится, что я с ней рассталась навек. Познакомилась я с двумя молодыми преподавательницами, одна с нашей кафедры (Екат[ерина] Андр[еевна]¹¹), вторая с литфака. Обе они живут в нашем общежитии. В общем, славные, но скучные, таких как Оля, Саша, Люся я здесь едва ли найду. Весьма жаль!

16/X – 53 г. Сегодня получила письмо из дому, которое меня весьма встревожило. Отец, конечно, закатывает скандалы и не хочет отпускать маму. Как они будут от туда уезжать, боюсь и представить. Кроме того, в телеграмме мама сообщала, что могут выехать лишь в начале ноября. Это значит, я еще целый месяц буду одна.

Я по-прежнему занята целые дни. Сегодня целый день торчала в институте, сначала на лекции, а потом на партсобрании группы, вечером на Ученом совете, где проскучала час и ушла. С членами своей кафедры в общем уже знакома и вижу, что дружбы здесь нет. Екат[ерина] Андр[еевна] держится особняком, Витков и Люксембург вместе, Анна Ивановна терпеть не может последнего и с удовольствием бы от него избавилась, как я поняла. Он, по-моему, платит ей той же монетой. Непонятно почему, но с первых же дней и декан, и Анна Ив[ановна] поторопились познакомиться // (Л. 46) со всеми старыми дрязгами, которые были на кафедре в прошлом. То ли в знак предостережения, то ли по какой другой причине. Я же слушаю и помалкиваю.

Сегодня один из преподавателей кафедры истории СССР (Ю.И. Серый¹²) вскользь спросил у меня, знаю ли я о старых сварях, т. к. меня уже предупредили, что и он был замешан в той же истории (групповщина, идеологические ошибки в преподавании), то я уклончиво ответила, что в общем знаю, но ничего конкретного.

Да, тут надо держать ухо востро. В Омске я от кафедральных дрязг отдыхала хоть в кругу друзей, а здесь и этого нет. Дружья от меня далеко, да и можно считать совсем потеряны.

22/X – 53 г. Дни летят стремительно и похожими одни на другой как две капли воды. Утром читаю лекции, с середины дня начинаю их готовить. Изредка бываю в кино. Главное, что меня угнетает, это зверский холод в комнате (я такого со времени войны не помню) и одиночество, не с кем словом перемолвиться. Из дому ничего не пишут, прямо обалдели, как будто не знают, что я беспокоюсь. Писем вообще ни от кого нет, и мне так скучно, что они были бы сейчас весьма кстати.

В институте тоже веселья особого нет, все какие-то чопорные, солидные. В Омске хоть Вал. Ив. вносила оживление, а здесь все держатся особняком, заняты одними делами. Впрочем, мое положение здесь гораздо лучше, чем в Омске. Там я очень долго чувствовала себя школьницей и держалась робко и неуверенно, а здесь меня сразу приняли как равную, да и годы уже не те, «девчонкой» уже не назовешь, хотя и сейчас на кафедре самая молодая из всех.

// (Л. 46, об.) 27/X – 53 г. С жизнью института я знакомлюсь все больше и больше. Уже побывала на двух Ученых советах (Большом и малом), на общеинститутском партийном собрании, и даже на вечере отдыха.

На вечере отдыха был неплохой концерт, особенно мне понравилось выступление ансамбля донских казаков. Была я с Екат[ериной] Андр[еевной] и Буркиной¹³, после концерта мы сразу ушли. Обе они мне совсем не подруги. Им столько же лет, сколько Оле, но какая разница! Нет ни живости, ни молодости, обе какие-то засушенные, а Екат[ерина] Андр[еевна] та сущий педант: то нельзя, это нельзя, в общую баню не ходит, т. к. там можно студенток встретить, танцевать – ни Боже мой, часто менять платье – непедagogично, пропустить какое-нибудь заседание – преступление и т. д. С тоской я вспоминаю Олю, Люсю, Сашу. Как мы славно болтали о всякой всячине, сколько каверз и проказ совершили вместе, сколько вина выпили! Но т. к. одной быть еще хуже, то я поневоле с ними. На малом Ученом совете я наслушалась таких вещей, о коих раньше и представления не имела. Говорили все больше об отношениях между студентами и преподавателями. Сама постановка этого вопроса меня изумила. Оказывается, тут существует прямо антагонизм: первые хамят вторым, задают дерзкие вопросы и даже принимают на своих собраниях резолюции об устранении такого-то преподавателя. Усиливает вражду и тот факт, что преподаватели заняли $\frac{3}{4}$ студенческого общежития.

Вчера на партсобрании я сидела рядом с Витковым, который тоже поспешил // (Л. 47) посвятить меня в бурную прошлогоднюю историю. Но т. к. он – один из «пострадавших», то история излагалась с его точки зрения. Теперь я догадываюсь, почему декан и зав[едующая] кафедрой сразу решили посветить меня: они боялись, что мне противная сторона преподнесет свою версию. Я чувствую себя страшно неловко между двумя враждующими сторонами и очень боюсь, чтобы меня не втянули в эту свару. Посему я держу нейтралитет и молча слушаю. Но и последнее тоже опасно, т. к. может быть истолковано как сочувствие потерпевшим. Жизненный опыт подсказывает мне, что с начальством ссориться не следует, поэтому – осторожность, осторожность и еще раз осторожность.

Получила письма от Марка и Жорки. Второй меня прямо изумляет своей аккуратностью, отвечает в тот же день, как получает мое письмо. Но он так далек от меня, что я отвечаю ему лишь из вежливости, ничего он для меня не значит, хотя человек, видимо, хороший. У меня всегда так, что нравлюсь не тому, кому хотелось бы. Остальные мои адресаты молчат, что меня огорчает. Особенно хотелось бы получить письмо от Оли, как-то она там поживает.

5/XI – 53 г. Опять я свой дневник забросила, ни одной минуты свободной нет. Подготовка к лекциям отнимает все время, а тут еще ко мне со всех сторон начинают подъезжать с общественными нагрузками. Вчера чуть было не выбрали в профбюро, но Анна Ив[ановна] заступилась и еще один преподаватель, который заявил, что меня скоро возьмут в нашу многотиражку, а посему... В общем, не мытьем, так катаньем. Кроме того, на меня взвалили // (Л. 47 об.) научный

студенческий кружок. На кафедре у нас никакого порядка нет, Анна Ив[ановна] совсем запуталась в своих нагрузках и неразбериха полная, каждый день заседания по самым пустяковым поводам. Все ворчат, но потихоньку. Сегодня записывали планы научно-исследовательских работ, так Анна Ив[ановна] себе ничего не записала. Вообще она порядочная баба и в зав[едующие] кафедрой вообще не годится. У ней скоро открытая лекция, на которую мне страшно не хочется идти, хуже нет начальство критиковать.

Мои, наконец-то, едут ко мне. 4/XI они прибыли в Москву, и я их уже ждала к празднику, как вдруг сегодня получаю телеграмму, что они только 7/XI выедут из Москвы. Вот эфиопы! Видно, их Борис все-таки встретил, раз они 3 дня в Москве решили пожить.

26/XI – 53 г. За весь ноябрь я ни разу не заглянула в дневник! Вот до чего охладела к нему, а раньше и дня не пропускала.

Мама и Милка приехали ко мне 9/XI, я дважды бегала на вокзал, причем поезд опоздал на 20 мин., а мне надо было бежать на лекцию, и я вся изволновалась. Фруктов и всяких сладостей я им накупила за неделю, и они уже начали портиться.

Сейчас мы уже обжились и более или менее обставились: купили письменный стол, шифоньер, диван, у нас стало уютно. Милка по сию пору без работы, обе они у меня переболели, никак не могли приспособиться к ростовскому климату.

На кафедре ничего нового нет, порядка тоже нет, 4 раза пытались собраться и обсудить некоторые вопросы и так и не собрались. Нагрузок у меня прибавилось: веду драмкружок нашего факультета и политзанятия на II курсе.

По-прежнему много времени отнимает подготовка к занятиям. 4-й курс здесь // (Л. 48) очень сильный, приходится много готовить. Сегодня, например, был очень неприятный случай: один студент делал доклад и полностью списал его, я, когда читала, заметила это, но махнула рукой. А на семинаре другой студент встал и разнес его вдребезги, и я чувствовала себя ужасно неудобно. Не знаю теперь, засчитывать теперь этот доклад или нет. Хороший урок мне, не буду впредь либеральничать.

Из Москвы мне никто не пишет, Борис прислал свой автореферат, но ни строчки. Я обозлилась и написала ему зверское письмо, после коего ответа, конечно, нечего и ждать. Любе я тоже не пишу, рассердилась. Юрка, подлец, молчит и фото не шлет. Люська молчит, от Ольги нет ни слова, хотя мое письмо она давным-давно получила. Факты весьма грустные, но увы! Даже Жорка перестал писать, причем я догадываюсь почему. Я ему последнее письмо написала очень прохладное, просто сама чувствовала, что тон письма глубоко равнодушный и чужой. А он человек чуткий и понял. Ну, да это и к лучшему.

27/XI – 53 г. Сегодня у нас с Милкой было необычайное приключение. Мы вчетвером (плюс Магда и Катя) отправились в Дом Офицеров на вечер самодеятельности

института. На обратном пути к нам привязалась группа офицеров, 5 человек. Т. к. мы их оттолкнули, то они «оскорбились» и шли за нами всю дорогу, угрожая избить в первом же переулке. Перепугались мы страшно, т. к. на улицах никого не было, а остальные прохожие, у которых мы просили помощи, спешили скрыться. Недалеко от дома нам удалось вызвать солдат из комендатуры, и они проводили нас до дому.

// (Л. 48 об.) 8/XII – 53 г. Сегодня был неприятный день. Утром на семинаре был отвратительный доклад одной из студенток, добрых полтора часа она, что называется, «жевала резину», все скучали, и я тоже.

После доклада настроение испортилось еще больше. Подходит ко мне тот самый студент, который в прошлый раз разнес списанный доклад, (Зайцев) и говорит, что мне, мол, надо быть постороже, если доклад не готов, то не допускать его на занятия, а то де вам на шею сядут. Причем это все говорилось в таком тоне, как будто мы старые друзья, или он старше меня по чину и может давать советы. Возможно, что у него были самые благие намерения, но я расстроилась еще больше. Вечером у нас наконец-то собралась кафедра, разбирали стенограмму лекции нашей Анны Ив[ановны]. Как на грех, лекция была по Англии и притом весьма неважная, и мы с Люксембургом разнесли ее в пух и в прах. Теперь мне не миновать неприятностей, уж это как пить дать. Лагерь же ее «противников» сиял во всю, как на грех у меня с ними отличные отношения.

После кафедры мы с Катей еще остались на студенческий вечер. Был вечер II курса, и за него отвечала моя группа, посему я и осталась. Была дикая анархия, полное отсутствие какой бы то ни было организации и множество военных. Мы отсидели официальную часть и смылись, т. к. на другой день у меня была лекция в 7 ч. 30 м. утра.

12/XII–53 г. Настроение остается неважным. Последние дни прихворнула и даже на одну из лекций не пошла из-за высокой температуры. Семинары на IV к. идут с грехом пополам, все доклады по Польше разобрали девчонки, и я с ними замучилась. Одна из них, Дудине, круглая дура, она готовит доклад уже месяц, // (Л. 49) дважды сорвала его, не является ко мне на консультации и т. д. Вся группа хором уверяет меня, что доклад у нее вообще не получится.

Неприятное положение у меня с научным кружком. Его, как такового, вообще не существовало, и Анна Ив[ановна]сбыла мне какую-то химеру, жалкое подобие кружка из 8 человек. Я до сих пор не могла собрать ни одного заседания, один раз они не собрались, другой раз я заболела, перенесли на сегодня, а они не явились. От злости я чуть не лопнула.

Если кружок не начнет работать, то Анна Ив[ановна]это впишет мне в вину, тем более, что она сейчас настроена по отношению ко мне далеко не так доброжелательно, как прежде. Баба и есть баба.

Получила из Москвы письмо (даже два в одном конверте) от Юрки. Все-таки решил написать. Фото не прислал, за что я его нещадно выругала; пишет, что Борис уехал в Омск, но не поясняет: окончательно или в отпуск. Вчера получила письмо от Марка, вот мальчик – золото, пишет аккуратно. Он защитил единогласно, видел в Москве нашего директора и, возможно, приедет в Ростов. Ух, вот было бы чудесно! Было бы с кем и праздник встретить, и душу отвести в трудную минуту, а то вокруг одни сухари.

25/XII – 53 г. Уже скоро Новый год, во всем городе готовятся к празднику, покупают елки и пр. Наш факультет задумал устроить 30/XII новогодний бал-маскарад, но пока дело подвигается плохо, денег нет, елки нет, костюмов нигде достать невозможно, никто не поможет, а только чинят всякие препятствия. // (Л. 49 об.) День моего рождения¹⁴ прошел весьма мирно и скучно, пришли Магда и Катя, выпили, посидели на диване, судачили об институте и смотрели альбомы.

Вчера у нас была кафедра, утверждали билеты для экзаменов, составленные Люксембургом. Я его несколько раз поддержала, и Анна Ив[ановна] немедленно реагировала. Сегодня утром (не поленилась в 6 ч. утра встать) она неожиданно нагрянула ко мне на лекцию, даже не предупредив меня. А я, как на грех, вчера возилась с расстановкой книг по стеллажам, легла поздно и даже лекцию как следует не прочла. Но в общем прочла я ее как будто порядочно, во всяком случае особых ошибок она на разборе не указала, но неизвестно, что она запишет в журнал. Настроение какое-то скучное. Марк так и не приехал, видимо, дело с университетом не выгорело. Юрка написал, что Борис уехал в Омск работать. Наверное, уехал без особого удовольствия.

30/XII – 53 г. Эти дни перед факультетским вечером прошли в спокойной беготне и суматохе. Костюмы все-таки достали, елку прямо зубами вырвали, наклеили масок, приготовили массу конфетти и серпантина. Вечер удался на славу. Я давно так искренне не веселилась.

Зал красиво украсили, пришло много костюмированных, много было преподавателей. Веселье было самое непринужденное, не чувствовалось этой грани между студентами и преподавателями. Я танцевала без передышки и со своими, и с чужими студентами. Было очень весело. Я даже не ожидала, что так получится. Новый год встречать нигде не буду, компании нет.

Январь будет у меня не таким уж свободным, т. к. я решила подзаработать денег – ток // (Л. 50) на лето и согласилась на заочном отделении Университета прочесть лекции по Востоку. Очень хотелось бы недели на две съездить в Москву, но едва ли удастся.

Остановиться там мне негде, Люська не написала ни одного письма, Сашка тоже молчит, Галя Ромашок зато пишет чрезвычайно аккуратно. У нее родилась дочка 30/XI, причем она пишет, что отец – Гуляб. Вот и разберись в этом туманном деле.

31/XII – 53 г. Как я и ожидала никакой встречи Нового года у нас, можно сказать, не было. Я почти до 12 ч. сидела за лекциями, потом к нам пришла наша соседка, и мы выпили по бокалу шампанского и немножко посидели за столом.

Магда у кого-то была, Катя рано легла спать. В общем, они хорошие девочки, но в компании обе непереносимо скучны.

На наших днях рождения, а они были подряд, мы только и говорили о всяких институтских делах. Милке даже надоело.

В новогоднюю ночь я предпочла – уж лучше совсем молчать, чем повторять тоже самое. Мне было все равно, как проходит Новый год, а Милка скучала и явно рвалась неопределенно куда.

Когда мне было 23 года, я тоже «рвалась», а теперь хоть бы что.

11/I – 54 г. За все это время не только что дневник писать, но даже вздохнуть было некогда. Работа по совместительству обернулась ко мне самой тяжелой своей стороной. Своих лекций у меня было всего 4, но оказалась такая прорва экзаменов, что я просто замучилась. Сначала я принимала лишь по истории стран Востока, а потом у Люксембурга начались экзамены // (Л. 50, об.) на стационаре и на меня свалились все «хвосты», т. е. принимала все на свете, с 17 в. до наших дней. Уставала я зверски, т. к. лекции, которые я читала в университете, у меня не были написаны, и я часов до 2х каждый день сидела и писала сверхкраткий конспект, целиком полагаясь на свою память. Память меня вывезла, но досталось мне это нелегко. Заочники в Университете неплохие, хорошо слушают, задают толковые вопросы, приятно было читать им. У нас же в институте заочники на 50 % круглые идиоты, за время экзаменов мне до тошноты надоело выслушивать всякие хохмы и смотреть на их дурацкие физиономии. Двоек и троек я наставила массу, ни черта не знают, тарачат оловянные глаза, да еще кляччат хотя бы тройку.

Кончилось же это все самым неожиданным образом. Прихожу я сегодня в институт, меня отзывает Ив[ан] Фед[орович], наш партсекретарь, и говорит: «Мне нужно с вами побеседовать». Я аж обомлела. Зашли мы с ним в пустую комнату, и он сообщил, что на мое имя пришло письмо, где мне угрожают расправой за то, что я так зверски «режу» студентов на экзаменах. Вот это студенты у нас учатся. Хороших воспитателей юношества мы воспитываем, нечего сказать! В общем, письмо это пошло к директору, он хочет производить расследование. Затем Ив[ан] Фед[орович] вдруг заговорил о положении на нашей кафедре и высказал недовольство поведением нашей Анны Ив[ановны], заявив, что она действует «по-бабски».

Разговор в общем меня расстроил и совсем выбил из колеи. Часа 3 я ждала, пока у директора кончится // (Л. 51) совещание, а потом пошла к нему. Он велел мне выяснить, кому я поставила двойки и сличить почерк письма с контрольными работами, кот[ор]ые у меня на руках. Вел он себя как-то неопределенно, я так и не поняла его отношения к данному делу. А вообще – все скверно.

12/1 – 54 г. Сегодня принимала экзамены в Университете, отвечали прекрасно, я слушала их с удовольствием. Вечером у нас было партсобрание, засиделись допоздна. На собрании я сидела с одним из преподавателей кафедры ист[ории] СССР – Юзефом Иос[ифовичем]. Он – один из бывших «опальных», несомненно Анне Ив[ановне] моя дружба с ним определенно не нравится, но мне наплевать. Я совершенно не могу существовать одна, мне обязательно нужно с кем-то душу отвести, а с Катей и Магдой не очень разговорисься, хотя мы часто бываем вместе.

15/1 – 54 г. Сегодня у нас в институте было бурное партсобрание: разбирали личное дело Люксембурга. Сидели 6 часов подряд. Дело это началось еще в прошлом году. Только нынче его, наконец, кончили. Наворочено в обвинении было столько, что трудно было разобрать, где истина, а где по ходу дела приплели. Ясно одно, что что-то было, но к этому «что-то» пришли столько, что список его «преступлений» вырос в целый том. Но он много сам себе испортил: 4 раза отказывался приходить на партбюро и писал во всякие высокие инстанции. Это был главный козырь в руках его обвинителей и это его погубило. Настроение в зале было далеко не в его пользу, это ему нужно было понять с самого начала.

// (Л. 51, об.) Выступила против него Анна Ив[ановна], которую прямо распирало от ненависти, чувствовалось, что личные мотивы играют здесь большую роль. Выступала и Катя, а потом даже голосование за исключение. Вкатили ему строгий выговор с занесением в личное дело. Ясно, что он опять будет жаловаться выше, и жизнь на кафедре будет совсем отвратительной. Витков, конечно, тайно сочувствует Люксембургу. Катя в этом вопросе будет поддерживать Анну Ив[ановну], кот[ор]ую за глаза и поругивает за всякие неполадки на кафедре. Ко мне Анна Ив[ановна] относится теперь с великим подозрением за дружбу с «вражеским лагерем», в общем... та же петрушка, что и в Омске.

8/II – 54 г. Итак, моим «каникулам» конец. Я не отдохнула ни одного дня, без усталости сидела за лекциями, хотя бы на февраль я себя освободила от писанины.

Сегодня не успела я прийти в институт, как на меня со всех сторон навалились дела. Пришла в 9 ч. и домой явилась в 8 ч. вечера. Начинается самое скверное для меня время – педпрактика. Терпеть я ее не могу. Группа у меня небольшая, всего 7 человек, но один из них слепой. Я просто не знаю, как я буду с ним работать. Вечером ходили в школу. Школа мужская и очень неудобная. Классы маленькие, грязные; узкие, деревянные лестницы, низкие потолки. Ребята хулиганистые, шумят. Одна преподавательница хорошая, а вторая (он же завуч) весьма неважный. Пришла я домой, а там мне преподносят письмо от Марка, а в письме неприятная новость. Оказывается, в отделе аспирантуры затеряли мои документы о сдаче экзаменов по англ[ийскому] яз[ыку] и // (Л. 52) философии и поэтому дело об утверждении моей диссертации застряло в ВАКе. Я разозлилась до последней степени. Мало они мне нервы трепали до защиты с этими бумажками, так и сейчас покоя не дают. Я тут же написала им самое язвительное письмо, какое только смогла, и вложила новые копии. Ну вечно у меня всякие истории!

10/II – 54 г. Покатились рабочие дни, только мелькают. Сегодня было заседание кафедры, все собрались чин-чинном. Анна Ив[ановна], видимо, где-то получила соответствующее внушение и держалась весьма корректно, без всяких личных выпадов и даже на заседание не опоздала. Толковали о всяких делах, на меня навалилась прорва всяких докладов: на юбилейную сессию по случаю 300-летия¹⁵; какая-то обзорная лекция по Китаю для учителей¹⁶; информационный доклад для руководителей политсеминаров. Ко всему надо прибавить педпрактику и драмкружок, т. к. 27/II факультетский театр и надо обязательно к нему пьесу подготовить. Одновременно у меня идут лекции и консультации. В общем, голова кругом идет, скорей бы уж февраль прошел, там будет полегче.

На кафедре Люксембург сам ухудшает свое положение. Анна Ив[ановна] предложила прочесть его диссертацию, так он резко заявил, что до отзыва его научного руководителя он ни одного листа никому не даст. Это, конечно, неправильно. Т. е. если ее после отзыва читать, то ясно, что он наши замечания и в грош не поставит, ведь мы же не специалисты по его вопросу. // (Л. 52 об.)

12/II – 54 г. В школе у меня полная неразбериха. Сегодня должны были давать уроки трое студентов; прихожу в школу, оказывается, два седьмых класса распустили и, следовательно, уроки срываются. Один урок все-таки провели, но очень плохо. Учитель вмешивался в ход урока, ходил по классу, поправлял студентку, в классе стоял дикий шум, никто ничего не слушал. Студентка растерялась, говорила еле-еле, я сидела как на иголках. Первый раз у меня так неудачно складывается педпрактика, в Омске мне все время хорошие школы попадались.

Ребята мои очень недовольны, что попали к какому-то дураку. Мы заглянули в журнал, оказывается те темы, кот[ор]ые даны студентам, он уже дважды ученикам рассказывал. Вот это фокус!

27/II – 54 г. Половина практики уже прошла. Устала я в эти дни зверски. Одно утешение – студенты, весьма неплохо делают уроки, только слепой мой меня просто угнетает. Ребята его не любят, он упрям, болтлив и тугодум, характер сквернейший. Я с ним замучилась и с ужасом думаю о его уроках.

В институте я с утра до школы, в школе – до вечера и т. д. В промежутках репетиции до одури, т. к. 1 марта – смотр. Весь институт поет и пляшет, спецуполномоченные с ног сбились. В общем, картина типично омская. Марк пишет мне из своей Костромы аккуратно. В последнем письме сообщил, что шеф заведует кафедрой. Вот здорово! А Текутьева как же? И вообще он, наверное, нос задрал; я ему письмо написала насчет статьи в журнал, так он даже не ответил, ну и наплевать.

// (Л. 53) 1/III – 54 г. Сегодня к великому моему изумлению получила письмо от Ольги, пишет, что была чрезвычайно занята, а посему некогда было написать письмо. Брехня чистой воды. Вообще же я письму рада и ей ответила сразу. Она ожидает прибавления семейства.

Сегодня вообще был день больших треволнений. Слепой сегодня дал свой первый урок. Действительность превзошла все мои ожидания. Он нес жуткую околесицу, из которой ничего нельзя было понять. Ученики сидели тихо, частично от того, что за дисциплиной следили мы, а частично от обалдения. После изложения материала у него осталось еще 25 мин[ут], которые совершенно зря пропали. У меня аж голова заболела.

Из школы я побежала в институт на смотр. Народу набилась уйма. Мне пришлось изрядно повозиться с гримом и туалетами моих «актеров», но зато вещица прошла весьма неплохо, в зале много смеялись и аплодировали. Вообще концерт был замечательный, мне очень понравилось. А главное, у нас не было ни одного платного руководителя, все подготовили сами студенты и преподаватели. Но в комиссию понасажали всяких идиотов и бестолочей и нам понаставили троек и общую оценку вынесли 4 и 1/10 балла. Возмущались все жутко, т.к. от нашего факультета в комиссии не было ни одного представителя. Впрочем, были двое студентов, но оба заняли ренегатскую позицию. Один из них, мнящий себя знатоком в области искусства, был оскорблен, что без него обошлись, и злился. А 2-ой был мой студент Зайцев, который тоже слишком воображает. Мы его потом изругали всячески.

// (Л. 53 об.) 5/III – 54 г. Сегодня набралось ко мне представителей полным-полно, я их специально позвала на урок к слепому. Но как нарочно все прошло гладко, он вызубрил урок как скворец, ученики были заранее подготовлены и все прошло как пописанному.

Это уже не первое посещение моих уроков начальством, но главный методист наш очень доволен. Со студентами у меня отношения прекрасные, и они при начальстве так анализируют уроки, что я только радуюсь. Вообще от практики устала я зверски, регулярно не высыпаюсь и почти не бываю дома.

8/III – 54 г. Сегодня опять мой слепой нес на уроке страшную околесицу и как нарочно никого из посторонних не было.

Ребята разнесли его совершенно; так он начал огрызаться и заявил, что я де отоношусь к нему с пренебрежением. Теперь он будет ходить и на меня кляузничать. Остальные дают уроки весьма неплохо.

18/III – 54 г. Слава Богу, педпрактике конец, теперь мне надо разделаться только с 4м курсом, и я вздохну свободнее.

В общем, ребятами своими я довольна, уроки давали весьма неплохо, если бы не было у меня слепого, то и совсем было бы хорошо. Но я, как и в Омске, держалась в группе по-товарищески, и, если бы Анна Ив[ановна] увидела, как мы фамиллярничаем, ее бы хватил удар. Но у меня опять, как нарочно, народ все такой взрослый подобрался, и я никак не могла установить строгий тон. Сегодня был 1-ый день конференции по педпрактике, просидели 5 часов и еще два дня заседать будем.

На 4ом курсе читать сегодня было невероятно трудно, т. к. их сейчас распределяют по местам, и они шумели на лекции и еле-еле слушали. На литфаке тоже сегодня шумели.

// (Л. 54) Вообще весной читать лекции гораздо труднее, студенты плохо сидят на лекции. От Ольги получила 2-ое письмо, Юрий тоже написал и даже прислал мне фотографии, которые он снял в день моего отъезда из Москвы. Вот умница!

20/III – 54 г. Сегодня Катя решила отметить получение диплома о защите. Хотели мы хоть немножко развлечься и позвать в гости мало-мальски людей подходящих, но ничего у нас не вышло: никто не пришел. Обидно было ужасно, но ничего не поделаешь, пришлось опять сидеть втроем. Скучно было невероятно, т. к. говорить было совершенно не о чем, новостей никаких. Сидели мы и думали, каждая о своем, у меня даже настроение испортилось.

Кафедра наша вышла на конкурс (я по молодости стажа не вхожу), это значит, что Люксембург точно полетит. Анна Ив[ановна] на днях вдруг так вскользь говорит мне: «Нина Ал[ексеевна], вы говорили о своем товарище, напишите-ка ему». Я моментально сообразила в чем дело и в тот же день написала Марку. Интересно, сможет ли он приехать? Тут-то дело у него верное.

26/III – 54 г. Сегодня я со своей группой ходила фотографироваться, а потом мы отправились в шашлычную, хотя я ужасно боялась встречи с нежелательными лицами. К счастью, в зале было почти пусто, мы сдвинули два стола и уселись. Устроили в общем нечто вроде веселой студенческой складчины. Правда, сидели недолго, т. к. у меня были не готовы 2 лекции, да и остальные торопились. Все-таки веселее мне со студентами. Начала я читать лекции на III курсе, пока сидят очень хорошо.

// (Л. 54, об.) На 4ом курсе я, наоборот, кончаю, расстаюсь с ними с сожалением, т. к. курс очень сильный, с удовольствием с ними работала.

31/III – 54 г. Сегодня собрались мы сходить в Таганрогский театр и уже взяли билеты, но Анна Ив[ановна] испортила наш весь вечер. У нас была назначена кафедра на 4 ч., но т. к. в 2 ч. 30 м[инут] было назначено заседание у директора, то кафедру отодвинули на вечер, причем Анна Ив[ановна] заявила довольно агрессивно, что кафедра состоится при любых обстоятельствах. 3 часа мы слушали записанную на мегафон лекцию одного из преподавателей кафедры ист[ории] СССР Маркусенко¹⁷ и обсуждали ее. Студенты IV курса мне давно жаловались на его лекции. Вот его, видимо, и решили проверить. Лекцию разнесли в пух и в прах и объявили неудовлетворительной. После этого он встал и заявил, что под него просто подкапываются, что, видимо, кому-то его место понадобилось и т. д. в том же духе. С тем и разошлись. После этого часов 5 была кафедра. Обсуждали итоги педпрактики. Меня и Катю пилили за панибратство со студентами и либерализм.

В общем здесь между преподавателями и студентами старательно воздвигают каменную стену. Особенно старается в этом отношении Анна Ив[ановна].

Весна нынче отвратительная, на улице очень холодно, дуют сильные ветры, снег до сих пор не везде стаял. Хорош юг, нечего сказать.

12/IV – 54 г. Такой ужасной весны я давно не видывала. Холод на улице зверский, а т. к. дома у нас перестали топить, то и здесь погреться нельзя. Я думала, что в апреле мне будет легче, но пока не вижу ни роздыху, ни сроку. Все эти дни дописывала оставшиеся лекции, а сейчас начались экзамены на 4-м курсе плюс подготовка к 1 мая. Получила письмо от Марка, он не приедет в Ростов, т. к. его не пустят, во-первых, а, кроме того, его собираются сделать завкафедрой. Я весьма огорчена, т. к. в общем живу скучновато, с ним было бы веселее. У нас уже идет конкурс заявлений на обе кафедры – [нрзб] Люксембурга райком исключил из партии, значит его дело дохлое. Он уже недели 3 не выходит на работу, говорят, что болеет, а, по моему, просто махнул на все рукой. Анна Ив[ановна] рвет и мечет, и только думает, как бы поскорей его выжить.

14/IV – 54 г. Сегодня у нас была кафедра и множество еще всякой дребедени, в тои числе Совет института. Лекции в счет не идут, они, так сказать, сверх нагрузки. С Анной Ив[ановной] у меня отношения портятся все больше. Уж видно не суждено мне жить в мире с начальством. А все мое невезенье. Вот в Москве был у меня и шеф-умница и вообще начальство умное, так и работать было легко и приятно. А здесь, как в Омске: в Омске был дурак Червоненко, здесь дура Анна Ив[ановна]. На кафедре разбирали проспект моей лекции на тему о бабидах¹⁸. Тема, в коей ни один член кафедры ни черта не смыслит, по-сему я была совершенно // (Л. 55 об.) спокойна. Проспект был одобрен, но Анна Ив[ановна] все-таки в другом деле подложила мне свинью. Она еще в декабре подсунула мне научный кружок, вернее, его жалкое подобие из 5 человек. Я с ними работала весь год, но в апреле 4-ый курс начал сдавать экзамены и кружок самостийно развалился. Анна Ив[ановна] об этом прекрасно знала, но нарочно поставила этот вопрос на кафедре, чтобы записать в протокол, что я безответственно подошла к поручению и т. д. Ну и черт с ней, я даже никак не реагировала, мне не привыкать.

Вечером с Катей 5 часов отсидели на Совете, к счастью сзади нас сел наш декан, и мы прохотали все 5 часов без передышки. Когда наш Дм[итрий] Ив[анович]¹⁹ забывает, что он декан, он просто прелесть: остроумен, весел и ведет себя как мальчишка-озорник. В общем нам было не скучно.

17/IV – 54 г. Два дня без роздыху принимала экзамены на 4-м курсе, к концу 2го дня уже еле волочила ноги и шла домой, пошатываясь. Отвечали, в общем, очень хорошо, что меня чрезвычайно порадовало, особенно подготовились ребята, они почти все сдали на отлично. Погоняла я их достаточно по картам, т. к. карт они совсем не знают и их никто не приучал к картам. Жалко расставаться с 4ым курсом, я к нему привыкла. Кроме того, курс очень сильный, приятно было с ними работать. Этот III курс хуже и разболтанней, особенно девчонки.

// (Л. 56) 28/IV – 54 г. Подготовка к празднику меня совсем замучила, репетиции идут каждый день, времени уходит уйма. Я думала, что в апреле смогу написать статью для журнала, но не было ни одной минуты свободной.

Недавно совершенно неожиданно получила письмо от Милки Бидинской²⁰. Ее направили работать в Вологду, теперь они с Марком соседи. Она защитила только 14 апреля, здорово запоздала. В общем все мои знакомые хоть по одному разу да написали мне, одна только Моська – ни звука.

29/IV – 54 г. Сегодня был у нас факультетский первомайский вечер. Я очень плохо себя чувствовала, у меня был насморк и болела голова. Я очень волновалась, т. к. «артисты» мои роли знали неважно, да, кроме того, я сама потрянула стариной и играла. Ставили мы 4-ый акт «Доходного места»²¹, который с таким успехом шел некогда у нас в Омске. Костюмы мы достали из театра неважные, но и то с трудом выхлопотали деньги у профкома. Когда я вылезла на сцену, в зале ахнули, т. к. никто этого не ожидал (было только объявлено, что я ставила пьесу), и захохотали.

Сыграла я, вероятно, неплохо, т. к. аплодировали во время игры и проводили аплодисментами. Конец пьесы прошел скучновато и затянуто. Вообще, конечно, я очень выделялась среди них, от этого впечатление от игры остальных совсем бледнело. В Омске-то у нас все были как на подбор. После спектакля мне все на перебой выражали свое восхищение, никто не ожидал, что я так сыграю. Вообще в нашем институте преподаватель, играющий в студенческом драмкружке, явление исключительное.

// (Л. 56, об.) 1/V – 54 г. Сегодня природа расщедрилась и подарила чудесный жаркий день. Я сдуру пошла в пальто и совершенно изжарилась, лицо даже загорело за день. Демонстрация была обычной, ни скучной, ни веселой. Колонны были украшены неважно, многие студенты уехали домой, шли медленно, вперевалочку, даже на площади не подравнялись, так и шли как стадо баранов. Музыки было мало, песни никто не пел. В общем, демонстрация была неважная, в Москве в тысячу раз было лучше. После демонстрации немного отдохнули и пошли вечером погулять по набережной. Вечер был изумительный, народу на улицах – толпы. Мы трое, скучные и трезвые, бродили среди веселящихся людей. Дома рано завалились спать. В общем, был мой обычный первомайский день.

11/V – 54 г. В Ростове наступило настоящее лето, город сразу покрылся зеленью, цветет сирень и вишня, всюду продают тюльпаны и ландыши.

У меня уже почти кончились лекции и мне нечего делать. Т. к. работа – это мое обычное состояние, то отдых уже как-то непривычен. Я начинаю скучать, много думать, хвататься то за одну, то за другую книгу.

Нужно бы написать статью в журнал, но я никак не могу засадить себя за эту работу. В июне у меня нет ни экзаменов, ни зачетов, а нагрузка почти вся выполнена (осталось часов 25–30), поэтому я попросила себе отпуск с 1 июля, чтобы

у заочников хоть поработать не бесплатно. Анна Ив[ановна] предложила мне // (Л. 57) взять командировку в Москву в июле. Я сначала не хотела, т. к. лишних денег у нас нет, а потом согласилась. Хоть поглядеть на Москву одним глазком, и то хорошо.

Мы с Катей уже начали посещать пляж. Пляж здесь чудесный, много зелени, созданы всякие удобства. Мы два дня позагорали, и я уже порядочно почернела.

12/V – 54 г. Сегодня у нас в институте был «конкурсный день», т. е. на Совете разбирались дела всех подавших на конкурс. Я нарочно пришла «поболеть». Анна Ив[ановна] наша еще раз показала свою бабскую натуру и вовсе на Совет не явилась, хотя нашу кафедру разбирали первой. У нас все прошло спокойно, Люксембург, видимо, чувствуя безнадежность своего положения, на конкурс даже не подавал, приняли какого-то армянина. Зато, когда приступили к кафедре ист[ории] СССР, разгорелись страсти. Конкурсная комиссия предложила [нрзб], а Маркусенко – вон. Последний встал и произнес целую речь о том, что его травят якобы за критику начальства (я, признаться, ни разу не слышала, чтобы он кого-нибудь критиковал, тем более из начальства), что он борец за правду, везет на себе всю институт[скую] газету и т. д. Речь была грубая и глупая, совет просто смеялся, а многие и негодовали. Я сидела и вспоминала Крутя, тоже тип вроде этого. До конца мы с Катей не досидели, и, выслушав главное, ушли домой.

Совсем не подавал на конкурс Серый, о чем я жалею, мы с ним как-то сдружились. Да, в каждом институте гремят свои бури; и в Омске, и в Москве я их видела достаточно, и здесь то же самое. // (Л. 57, об.)

Получила письмо от Маши, она обижается, что я стала редко писать ей, жалуется на хандру и скуку; она сына отправила к матери, а муж уехал в Крым отдыхать. Вообще я диву даюсь: уже Зий год она замужем, а он ее ни разу с собой на курорт не брал, все один ездит. Это уж просто свинство, удивительно, как Мария это терпит.

16/V – 54 г. Сегодня отправились мы на пароходе в Таганрог, но мне, как всегда, не везло, как нарочно именно в этот день лил дождь и день был холодный. На воде было ветрено и холодно, мы больше торчали внизу, чем на палубе. Когда же вышли в Азовское море, то меня зверски укачало, и я вылезла на берег еле живая. На берегу дождь усилился, и мы, мокрые и грязные, безучастно брели по городу совершенно его не видя. Зашли мы в литерат[урный] музей Чехова, да и просидели в нем до 5 ч. вечера, даже домика Чехова не видели.

Кончился дождь, и экскурсия кончилась, отправились мы обратно. Очень жаль, что время даром пропало, город даже при беглом осмотре очень красивый, замечательный вид на море, много исторических мест.

29/V – 54 г. Изнываю от безделья, которое меня мучает еще больше, чем самая напряженная работа. Зачеты на литфаке (80 человек!) приняла почти все, надоели

они мне хуже горькой редьки. Написала статью в журнал, Юзеф Иос[ифович] дал мне свою машинку, и Милка отпечатала мне ее. Потом вышла диванную подушечку и опять бездельничаю, от скуки голова болит.

На пляж ходить нельзя, т. к. погода // (Л. 58) стоит какая-то неопределенная: не холодно, даже жарко, но небо все время в облаках, частенько накрапывает дождь. Катя отбыла в свой Ленинград, Магду я вижу редко. Уж скорей бы в Москву, там-то время пролетит незаметно. Юзеф тоже собирается в Москву, чему я весьма рада, а то одной-то все время скучно будет... Вот только не знаю, как у меня с жильем в Москве получится.

Никто мне не пишет ни слова, даже Марк замолчал, от Ольги после двух писем – ни звука, от Милки – тоже.

Когда мне нечего делать, у меня всегда плохое настроение, вот и сейчас я начинаю хандрить. В институте ходят слухи, что весь этот конкурс недействительный и его якобы отменят. В общем, до осени, видимо, произойдут большие перемены.

3/VI – 54 г. Конкурс прогорел с треском, зря только людям нервы портили. Впрочем, кое-какие последствия его остались. Люксембург на кафедре восстанавлен, о чем он с торжеством сообщил мне. Анна Ив[ановна], наверное, рвет и мечет, недаром у нее было такое плохое настроение в последние дни. Юзефа же уволили «по собственному желанию», о чем он узнал уже после приказа. Основание для приказа было только то, что он просил характеристику в другой ВУЗ во время конкурса. Одновременно ему преподнесли другой сюрприз: работать агитатором во время выборов в облсовет (в июне). Надо же додуматься до такой вещи: уволить человека и предложить до ухода из института вести дополнительную общественную работу!

Мне сегодня тоже преподнесли сюрприз. Вчера я получила выписку // (Л. 58, об.) из приказа о моей командировке с 10 июня, и сегодня пришла получать зарплату, а мне предлагают получить отпускные за июль. Я прямо обалдела от неожиданности. Нечего сказать, облагодетельствовали командировкой в счет отпуска. Денег я, конечно, не взяла и побежала к декану жаловаться. Он уверил меня, что это по ошибке дали в приказ старый график отпусков и обещал все выяснить. Ну, никогда у меня ничего гладко не получается, хоть что-нибудь да случится.

10/VI – 54 г. Билет в Москву достала с великим трудом и то лишь на завтра. Три дня ходила в кассу, толкалась в очередях и измучилась невероятно. Достала купе, но место верхнее, тоже плохо и неудобно. А как я из Москвы буду выбираться – боюсь и подумать, там, говорят, с билетами совсем ужасно. Странно, но предстоящая поездка в любимую Москву меня почему-то совсем не радует. Может быть потому, что я не знаю, где остановлюсь. Нат[алья] Григ[орьевна] может и не принять меня, и придется рыскать по городу в поисках пристанища, а я этого терпеть не могу.

Сейчас все дни занималась вышиванием, в институт стараюсь не заглядывать, а то наскочишь ненароком на начальство. Меня чуть ли не за два дня до отъезда хотели отправить в деревню читать лекции.

У нас в институте чудеса на каждом шагу.

// (Л. 59) 12/VI – 54 г. Ну-с, я уже еду. Села я вчера вполне благополучно, вагон хороший, но только место в купе у меня верхнее. Жара стоит жуткая, в вагоне +30°, все прямо задыхаются. Я сначала, как обычно, глядела в окно и скучала, потом познакомилась с одним молодым человеком, который оказался инженером с одного из заводов Ростова, едущим в Москву в командировку. Мы разговорились и болтали оба дня подряд, сегодня даже до глубокой ночи на разные темы. Меня хлебом не корми, только дай поговорить, а он оказался человеком весьма начитанным и много повидавшим. Вечером я еще играла в карты с какими-то старушками, они меня обыграли, но по-рыцарски не взяли проигрыш.

13/VI – 54 г. Приехали сегодня в Москву в 5 ч. 20 мин. утра, но я, конечно, поднялась в 3 ч. ночи и с волнением глядела в окно. Милая моя Москва, век бы я из нее не уезжала!

Жена Люксембурга передала мне его плащ, т. к. он уехал в одном костюме, я боялась, что он не приедет на вокзал в такую рань, но он явился аккуратно. Вещи мы сдали в камеру хранения, а потом я поехала к Л[юксембургу], а мой новый знакомый, Олег, отправился искать квартиру себе и мне. У Л[юксембурга] я посидела часа 2, а потом поехала к Нат[алье] Григ[орьевне]. Встретила она меня весьма приветливо, но, когда я заикнулась насчет квартиры, она заявила, что у нее скоро начнется ремонт и посему... Более того, она даже не предложила мне переночевать у нее хотя бы одну ночь, хотя я сказала, что ночевать мне абсолютно негде. // (Л. 59 об.) Я еще в Ростове почему-то думала, что все именно так и будет, но мама мне не верила.

В весьма унылом настроении я поехала опять к Л[юксембургу]. Он утешил меня, что все уладится и потащил в ресторан «Арагви». Если бы Анна Ив[ановна] увидела нас за бутылкой вина, она бы, наверное, лопнула от злости. Вечером Л[юксембург] должен был идти в театр, он уже давно уговорился с кем-то, а я осталась одна у него в комнате и мрачнела с каждой минутой. Наконец, уже в 8-ом часу мне позвонил Олег и сообщил, что и он ничего не нашел. Мы с ним встретились у метро и отправились по еще одному адресу, который мне дал Юзеф. Там мы так ныли перед хозяйкой, что она сжалилась над нами и пустила в комнату. Мы привезли чемоданы и отправились на радостях в парк им. Горького. Олег там ни разу не был и поразился его красотой. Вечер был дивный, мы очень долго бродили, но усталость и бессонная ночь дали себя знать, и я еле дошла домой.

14/VI – 54 г. Проснулась я, по привычке, рано, Олег тоже. В 9 ч. мы с ним разбежались по своим делам. Я прежде всего поехала в институт (с замиранием сердца). Там, конечно, было совершенно пусто, шел ремонт, в отделе аспирантуры никого.

Мне сказали, что Андреев придет через час, и я отправилась побродить. Буквально через несколько шагов я встретила Юрия. Обрадовалась я ему невероятно, мы зашли в сквер и поболтали там часа полтора. // (Л. 60) Он рассказал мне все свои горести, семейные и институтские. У него уже написана первая глава, в конце июня он собирается в Омск. Растолстел он ужасно, лицо оплыло, огрубело, я прямо ахнула. Врачи ему предсказывают ожирение, а он, болван, только смеется.

Потом я опять пошла в институт к Андрееву, и он объявил мне, что моя диссертация утверждена ВАК. С волнением я получила диплом кандидата наук. Сегодня же я записалась в Ленинскую библиотеку и немножко поработала над подбором литературы.

16/VI – 54 г. Вчера опять ездила в библиотеку, но занималась плохо, постоянно встречаю знакомых, даже нашу Тутсу²² встретила. Она во 2-ой раз вышла замуж, кончает писать диссертацию. У Динары, по ее словам, дела плохи, диссертацию писать она еще и не начинала, а теперь собирается брать отпуск на год (наверное, из-за своих мнимых болезней). В общем, три года человек зря тратил государств[енные] деньги, хотя сразу видно было, что ей в аспирантуре делать нечего. Наша Валя (слепая) диссертацию защитила и работает где-то недалеко от Москвы.

Сегодня вечером я пошла к шефу. Хотя он на письма мои и не ответил, встретил меня приветливо. Узнав, что я хочу взять статью в «Вопросы истории», он неожиданно предложил мне передать ему эту статью, уверив, что он обязательно протолкнет ее в «Ученые записки» института, т. к. он же и редактор их. Предложение было весьма заманчивое, т. к. пролезть в «Вопросы истории» у меня очень мало шансов. Поэтому я // (Л. 60 об.) согласилась отдать ему статью. Из наших аспирантов до сих пор не защитили Али и Аскольд, причем у последнего дела плохи, бедному парню явно не везет. Текутьева оказалась неважным руководителем.

18/VI – 54 г. Все-таки я значительно больше бегаю по Москве, чем занимаюсь. Газет индийских ни в Ленинской библиотеке, ни в Академии Общ[ественных] Наук нет, что приводит меня в унылое настроение, т. к. все мои планы рушатся. Осталась только надежда на ИМЭЛ и институт Востоковедения. Если и там нет, то мне надо изобретать другую тему.

Сегодня получило письмо из дому, в котором мама мне сообщила, что от Ольги пришла телеграмма о ее приезде в Москву. Я немедленно отправилась по адресу, но дома ее не застала, пришлось лишь оставить записку. Очень хочется ее видеть и наговориться досыта, может быть, и сходим куда-нибудь. А то я все вечера дома торчу, еще нигде не была. Олег приходит вечером, заматавшийся до последней степени, и сразу валится на диван. Я из солидарности тоже сижу с ним, хотя одна, конечно, куда-нибудь бы отправилась. За эти вечера мы перебрали с ним всю вселенную, темы любви, дружбы, политики, быта, искусства, литературы и т. д. Кажется, ничего не осталось, о чем мы бы мы умолчали. Вообще он какой-то

странный парень. 6 лет он плавал в торговом флоте и по всем правилам должен был огрубеть, но он любит красоту, начитан и к моему великому // (Л. 61) изумлению неплохо знает историю. Он откровенно рассказал мне всю свою жизнь и даже все свои морские похождения и увлечения. Высоким моралистом он, по-видимому, никогда не был, но со мной он держится прекрасно, без тени всякой пошлости. Мы перешли на «ты» в первый же день приезда в Москву, и у нас хорошие дружеские отношения. Не знаю почему, но с мужчинами я дружить умею, взять хотя бы Сашку, Юрия, Бориса, Марка, Юзефа, со всеми я была товарищем.

Олег взял мой адрес и в Ростове собирается зайти ко мне. Возможно, наше знакомство и будет продолжаться, т. к. его привлекает моя библиотека, но в общем такие знакомства у меня обычно не продолжают, я как-то не умею их продолжать. Да и в конце концов ему надоедят наши ученые разговоры, захочется более весело провести время, чем обсуждать мировые проблемы.

19/VI – 54 г. Сегодня утром ко мне пришла Оля. Располнела она невероятно, но в общем ее беременность очень мало заметна. Мы немедленно с ней отправились по Москве. Нам удалось (у нее было письмо к одной из преподавательниц их института) попасть в новое здание МГУ на Ленинских горах. Мы посмотрели жилые комнаты, гостиные, актовый зал, аудитории и даже пообедали в Универс[итетской] столовой. Красота там исключительная. Всюду мрамор самых разнообразных оттенков, бархатные дорожки, стильная мебель. Все выдержано в строгих тонах, нет ничего лишнего, безвкусного, крикливого. // (Л. 61, об.) Потом мы с Олей еще весь день бродили по Москве, а вечером пошли в театр только, к сожалению, в разные. Она – в филиал МХАТ, а я – в новый Московский театр Эстрады на «Его день рождения»²³. Мне очень понравилась постановка.

Олег сегодня уехал в Ростов, вечерами я теперь куда-нибудь буду ходить, а то скучно.

21/VI – 54 г. К великому моему сожалению мы с Олей потеряли друг друга. Вчера вместе собрались в Зеленый театр, но я прождала ее 20 мин[ут] у входа в парк, да так и не дождалась. Пришлось одной смотреть концерт, кот[орый] мне очень понравился. Сегодня утром мы также должны были встретиться у входа в парк и пойти на выставку ГДР, но она опять не пришла. На выставку я отправилась одна. Купила там немецкого печенья (очень хорошего и очень дешевого), носки и цветы на шляпу, за которыми простояла 4 часа. Затем я осмотрела все три павильона выставки, очень мне понравился отдел изделий легкой промышленности и всяких предметов домашнего обихода, есть чудесные вещи (трикотаж, например).

22/VI – 54 г. Дни летят стремительно, я все время брожу по Москве, а в библиотеку заглядываю весьма редко и ненадолго. Когда у меня нет определенной цели или темы, мне совсем не хочется бесцельно читать всякую литературу без уверенности, что она пригодится в будущем.

Шефу я давно отвезла статью, но он просил меня взять на нее отзыв у моего бывшего оппонента Жмыхова // (Л. 62) (немало он мне крови в свое время испортил).

Я сначала запрямилась, но потом дозвонилась к нему, он, по обыкновению, торчал на даче, и он сразу же согласился дать мне отзыв. Мы условились о встрече, но я боюсь, что он меня подведет, т. к. дома почти не бывает и словить его трудно. Сегодня я опять была в театре, смотрела в театре транспорта²⁴ «Кражу» Д[жека] Лондона. Вещь мне очень понравилась, да и вообще я люблю этот театр.

24/VI – 54 г. Вчера опять заходила в наш институт, а потом зашла к Текутьевой, поболтала с ней о всяких институтских новостях. Сегодня же ко мне утром явился Люксембург, и мы опять отправились на выставку. Ничего мы там не купили, т. к. приехали поздно, но зато зашли в немецкий пивной павильон и напились там изумительного пива. Потом мы катались на катере по Москва-реке, немного погуляли по Ленинским горам. День был чудесный, прошел небольшой дождь, пахло свежей зеленью. Я получила огромное удовольствие от прогулки. Люкс – собеседник приятный, с ним не было скучно. Вечером я ходила в Летний театр «Эрмитаж» на концерт А. Райкина. Посмеялась от души.

Кончатся чудесные дни в Москве, впереди меня ждет заочная каторга.

// (Л. 62 об.) 27/VI – 54 г. Последние дни в Москве пролетели совсем молниеносно. Пришлось еще много поволноваться из-за моей статьи. Жмыхов назначил мне встречу в одной из школ, где он должен был принимать экзамен, но я почему-то решила, что он велел мне приходиться вечером, а он был в школе утром. Расстроилась я ужасно, т. к. он мог сию же минуту уехать на дачу и тогда все безнадежно проваливалось.

Вчера вечером мы с Л[юксембургом] опять ездили на немецкую выставку за печеньем, а потом я позвонила Жмыхову домой и, узнав, что он сейчас в школе, со всех ног помчалась туда. Встретил он меня приветливо, передал рецензию, кое-что посоветовал на словах, а потом даже попросил у меня один экземпляр статьи. Оказывается, его аспирант, мой бывший соперник, по сию пору не защитил, а одна из глав его диссертации, как подозревает Жмыхов, списана у меня. Вот он и решил по статье проверить.

Сегодня я ходила к шефу, передала ему рецензию, переделала кое-что в своей статье, и мы с ним распрощались. В 2 ч. за мной зашел Л[юксембург], я перетасила вещи к нему, а в 3 ч. мы уехали на вокзал. Последний раз промелькнули передо мной шумные, прекрасные московские улицы. Опять поплыла мимо окон вагона моя Москва!

29/VI – 54 г. Приехала я в Ростов поздно вечером 28/VI, дома, конечно, долго болтали. Магда немедленно преподнесла мне целый вагон неприятностей. На кафедры пришли новые планы, весьма сокращенные. На литфаке отменили курс новой истории, а это значит, что у меня из...²⁵

КОММЕНТАРИИ

- ¹ Директором РГПИ в 1951–1955 гг. был Яков Никитич Раенко.
- ² Один из двух известных библейских городов, который, согласно Библии, был уничтожен Богом за грехи жителей, так же, как и город Гоморра.
- ³ По всей видимости, речь идет о песне времен Великой Отечественной войны «Чайка».
- ⁴ Amigo (с испанск.) – друг, товарищ.
- ⁵ В одной из бесед Нина Алексеевна вспоминала, что, покидая после защиты Москву, она очень сильно ошибалась, думая, что больше в ее жизни не будет друзей, и в числе своих университетских друзей называла Юрия Ефимовича Журавлева, Михаила Абрамовича Люксембурга и Юзефа Иосифовича Серого.
- ⁶ Сергей Авсентьевич Сегась, советский историк.
- ⁷ Доцент Николай Дмитриевич Кузнецов был деканом исторического факультета МГПИ с 29 сентября 1950 г. по 15 октября 1953 г.
- ⁸ Дмитрий Алексеевич Поликарпов (1905–1965) – советский партийный и государственный деятель, кандидат исторических наук. В 1951–1954 гг. директор МГПИ им. В.И. Ленина. С 1954 по 1955 г. секретарь Московского горкома КПСС, в 1955–1962 гг. – заведующий Отделом культуры ЦК КПСС, в 1962–1965 гг. – заместитель заведующего Идеологическим отделом ЦК КПСС.
- ⁹ Анна Ивановна Мельниченко – кандидат исторических наук, доцент, заведующая кафедрой всеобщей истории РГПИ в 1951–1955 гг.
- ¹⁰ Витков Захар Аронович (1910–2006) – кандидат исторических наук, доцент. Работал в РГУ, а впоследствии в РГПИ с конца 40-х гг. до 1956 г. Впоследствии работал в Мурманском государственном педагогическом институте и Орловском государственном педагогическом институте.
- ¹¹ Екатерина Андреевна Андреева – выпускница Ленинградского государственного университета, читавшая курс истории средних веков в РГПИ.
- ¹² Серый Юзеф Иосифович (1922–1986) – доктор исторических наук, профессор. С 1947 г. работал в РГПИ, а затем РГУ. В 1972 г. защитил докторскую диссертацию на тему «Горнометаллургическая промышленность Юга России и ее рабочие в период империализма в 1900–1913 гг.».
- ¹³ По всей видимости, речь идет о Буркиной Магдалине Михайловне, кандидате филологических наук, работавшей в РГПИ после окончания аспирантуры МГПИ им. В.И. Ленина и защиты в 1952 г. диссертации на тему «Литературно-художественные взгляды Н.А. Некрасова». Дальнейшая научная и педагогическая деятельность М.М. Буркиной проходила в Тульском государственном педагогическом институте. Ветеран Великой Отечественной войны. Умерла в 1977 г.
- ¹⁴ 22 декабря.
- ¹⁵ Юбилей в честь присоединения Левобережной Украины к России в 1654 г.
- ¹⁶ По всей видимости, тоже приурочено к юбилейному событию. В том же 1654 г. русское посольство под руководством дворянина Ф.И. Байкова отправляется в Китай.
- ¹⁷ Маркусенко Иван Семенович (1913–1991) – кандидат исторических наук, доцент. Долгие годы работал в РГПИ и РГУ. Специалист по истории Дона в период Великой Отечественной войны.
- ¹⁸ Странники учения мусульманской шиитской секты в Иране в 40–50-е гг. XIX в. Бабизм провозглашал окончание господства законов, основанных на Коране и шариате, а также провозглашал равенство всех людей.

¹⁹ Дмитрий Иванович Дубонос, доктор исторических наук, профессор, участник Великой Отечественной войны, был деканом исторического факультета РГПИ в 1951–1955 гг.

²⁰ Бидинская Людмила Александровна защитила диссертацию на соискание ученой степени кандидата исторических наук в 1954 г. в МГПИ им. В.И. Ленина на тему «Революционное движение промышленного пролетариата во Франции в период экономического кризиса (1930–1934 гг.)».

²¹ Пьеса Александра Николаевича Островского, написанная и изданная им в 1856 г.

²² По всей видимости, чье-то прозвище.

²³ Московский государственный театр Эстрады открылся в июне 1954 г. спектаклем «Его день рождения», на который и пошла Нина Алексеевна 19 июня.

²⁴ Центральный театр транспорта, а с 1959 г. Московский драматический театр им. Н.В. Гоголя.

²⁵ На этом обрывается дневник Нины Алексеевны Акимкиной.